

В.Г. ВИНОГРАДСКИЙ
**"ОРУДИЯ СЛАБЫХ": НЕФОРМАЛЬНАЯ
ЭКОНОМИКА КРЕСТЬЯНСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ**

Введение

Территория эксплоярных экономик разведана к настоящему времени лишь в самом общем плане и описана по принципу контурной карты. Это загадочная и своеобразная страна. Традиционная аналитическая оптика часто искажает вид изучаемой "местности", затрудняет движение по ней и нередко уводит наблюдателя за её границы. Поэтому для дальнейшего описания объекта нужны новые, обдуманно расставленные аналитические ориентиры. Одновременно необходимо научиться видеть самые мелкие подробности и детали неформальной экономической жизни, заняться систематическими описаниями её фрагментов и скрытых механизмов.

Один из важных аналитических ориентиров, позволяющих увидеть и идентифицировать существенные характеристики эксплоярных социально-экономических форм, был сформулирован В.В. Радаевым, который отметил, что "неформальная экономика не просто указывает на отдельные формы хозяйства, но обозначает общий экономико-социологический подход к миру хозяйства. Неформальная экономика предстает как определенная логика действий экономических агентов" [1, 36]. В основании эксплоярных действий кроется особое понимание возможных форм связи субъекта с миром хозяйства и миром в целом. Здесь работает именно логика, – но не столько экономическая логика в смысле максимизации доходов, сколько логика социальная, в которой качество жизни увязано с выживанием, а также с многообразием человеческих отношений. В сущности, это – логика жизни, работающая над вопросом "как надо жить?", и так или иначе отвечающая на него. Причем форма ответа позволяет видеть, какой отметке шкалы "формальное – неформальное" соответствует тот или иной хозяйственно-экономический акт, совершенный тем или иным социальным субъектом.

Исследовательский подход, нацеленный на выявление такого рода логики действий, позволяет усмотреть в формально экономических (производственных, потребительских и всех иных) деятельностных актах субъекта некий дополнительный, глубинный смысл. При этом обнажается та социально-культурная почва, на которой возникает и развивается конкретная экономическая деятельность. Этот подход может быть развит и уточнен – как в теоретическом плане, так и в ходе полевых социологических исследований.

В качестве одной из важных тем анализа неформальной экономики ("политэкономии обочин") Т. Шанин особо выделил вопросы "взаимосвя-

Виноградский Валерий Георгиевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института аграрных проблем РАН. **Адрес:** 410600 Саратов, ул. Московская, 94. **Телефон:** (8452) 24-24-26. **Факс:** (8452) 24-38-79. **Электронная почта:** grape@mail.saratov.ru

зи технологий, ресурсов и умений" [2, с. 554]. Мне представляется, что исследование этих взаимосвязей напрямую связано с постижением логики действий субъекта. В данном тексте я попытаюсь рассмотреть некоторые детали этой важной проблемной связки. При этом я буду опираться, в основном, на собственный опыт изучения неформальных компонентов крестьянских семейных экономик.

Ресурсно-технологические, связанные со специфическими человеческими умениями, проекции неформальной экономики удивительным образом отражаются в многообразных наблюдениях, принадлежащих не столько ученым специалистам, сколько беллетристам, носителям художественного сознания. Причем такого рода жизненный материал был интересен и занимателен для беллетристов любых времен и народов. Более того, жизненные наблюдения художников порой отражают социологическую сущность интересующей нас проблематики с классической ясностью и полнотой.

Беллетристика

В "Евгении Онегине" описан рядовой, но весьма выразительный и, если можно так сказать, "модельный" акт неформальной экономики как некоего взаимопереплетения производственной технологии и социальной логики.

В саду служанки, на грядах,
Сбирали ягоды в кустах
И хором по наказу пели.
(Наказ, основанный на том,
Чтоб барской ягоды тайком
Уста лукавые не ели
И пеньем были заняты:
Затея сельской остроты!)

Что же в данном случае происходит? Здесь в наборе простейших действий вдруг обнаруживаются скрытые социально-культурные пружины деревенской хозяйственной практики, реализуется обычай, "затея". И хозяйственная цель достигается в данном случае как бы мимоходом: сбережение и экономия производимой в небогатом барском хозяйстве продукции обеспечивается не столько формальным призывом (или приказом) работников к соблюдению трудовой дисциплины, сколько остроумной социально-технологической находкой, понуждающей крестьянских девушек не присваивать хозяйское имущество.

Неформальная экономика, рассмотренная с точки зрения логики действий, – это незатейливое, простодушное и вместе с тем лукавое изобретение человечества. Это изобретение людей, плотно вписанных в социальный и природный контексты данной общности. Это – изобретение "голи", которая, как утверждает пословица, хитра и горазда на выдумки. На такие выдумки, которые позволяют, особенно не напрягаясь и заранее не просчитывая возможную выгоду, "отжать" без остатка все доступные субъекту ресурсы.

Такого рода акты неформальной экономики систематически вносят в будничную рутину моменты игры и азарта, в повседневность – творчество. И эти творческие события представляют собой не что-то параллельное жизни, не что-то надстраивающееся над ней и живущее по собственным законам, а, скорее, проявление смысла, гармонии и красоты в рутине повседневности.

Мир неформальных экономик обладает качествами не столько стандартного комфорта, сколько уникального, не повторяющегося в деталях уюта, обеспеченного максимальным использованием доступных ресурсов и технологий. «Полнота органического существования», состояние обыденной житейской нормы не является результатом лишь специальных, рациональных действий. Это некая инстинктивная норма и гармония напряжения и покоя. Выходит, что неформальная экономика – это не результат усиленного, сознательно культивируемого рахметовского или базаровского самоотвержения, а естественное, автоматическое и инстинктивное продолжение душевной организации человека. Как мне однажды говорила молодая кубанская хозяйка, "мне так делать и жить спокойнее..." Это "спокойнее" (с ударением на предпоследнее "е", звучащее иначе и выражающее нечто более фундаментальное и древнее) говорит о многом. "Спокойнее" – это по-настоящему умно, умело, сокровенно, экономно, искусно, беззатратно, осмотрительно.

Неформальная экономика домохозяйств – это непрерывный процесс нарушения существующих правил и схем социально-экономического существования и, одновременно, процесс создания новых правил и схем. Акты неформальной экономики – это скромные изобретения человеческой повседневности, которые привязаны к субъекту. Им можно подражать, их можно использовать, – но каждый раз на свой собственный лад. И поэтому такие изобретения в принципе неповторимы.

Одним из важнейших результатов неформальной семейной экономики является феномен предельно обжитого мира, "обтопанного" социального пространства, где действует субъект. Неформальная экономика непрерывно отслеживает ближайшую среду жизнедеятельности, кропотливо "сканирует" ее возможности и изучает ее пределы. Модель и смысл подобного сканирования внутренних ресурсов семейного хозяйства великолепно схвачена в добродушном ворчании мальчугана Петрушки из платоновского "Возвращения". Ситуация такова: отец только что вернулся с войны, в семье готовится праздничное угощение, и двенадцатилетний Петрушка, хлопоча по хозяйству, подробно инструктирует персонажей окружающего мира, начиная с огня в печи и кончая пятилетней сестренкой. Буквально каждая деталь этой бытовой сценки содержит философию повседневного существования стесненной в средствах семьи.

"Петрушка посадил в печь чугуны со щами, чтоб не горел зря огонь, и тут же сделал указание и самому огню:

– Чего горишь по-лохматому – ишь во все стороны ерзаешь! Гори ровно. Грей под самую еду, даром, что ль, деревья на дрова в лесу росли... А ты, Натська, чего ты щепу как попало в печь насовала? И картошку опять ты чистишь

по-толстому, а надо чистить тонко; зачем ты мясо с картошки стругаешь: от этого у нас питание пропадает...

У нас в кожере от картошек за целый год сколько пищи-то пропало? Если б свиноматка у нас была, можно б её за год одной кожейрой откормить и на выставку послать, и на выставке нам медаль бы дали..."

Вот так, стартуя от неровного пламени в очаге, мысль Петрушки взлетает к выставочной медали и возможной премии. Будущее семьи в рамках такого рода логики способно вырасти буквально из сора, из отходов, которые могут (и должны) быть "отжаты", утилизированы до уже неупотребляемой "сухости".

Таким образом, художественное сознание давно и с видимым восхищением фиксирует проявления специфической логики действий людей, которые постоянно изобретают всё новые и новые орудия выживания. Материал для таких орудий находится буквально рядом, он извлекается из самой повседневной практики. Интересно посмотреть, каким образом логика неформальных экономических действий проявляется в повседневном существовании крестьян.

Феноменология

"Хочешь жить, умей вертеться!" – эта немудреная житейская сентенция выполняет одновременно две важных социальных функции. Во-первых, она итожит нелегкий опыт повседневного выживания и, во-вторых, кратко и понятно формулирует необходимую и достаточную программу их будущих житейских опытов. Иначе говоря, она содержит в себе одно из немногих универсальных правил рутинного человеческого существования.

Что такое "вертеться"? Это повседневное занятие включает два взаимосвязанных процесса. С одной стороны, это непрерывное нарушение существующих правил экономической жизни, с другой – столь же непрерывное создание новых правил, инструкций и наставлений. Познакомимся с основными "жизненными мирами", где изобретаются "орудия слабых" и где, среди нехитрых рецептов крестьянской кулинарии, рваной одежды, отходов и мусорных свалок, прорезывается социальная логика повседневности. Прочитую отрывки из нарративов, записанных в ходе полевых социологических исследований крестьянства Южной России (время записи – осень 1999 – зима 2000 гг.).

Еда. "Как можно экономить и изобретать? Ну, в первую очередь здесь – это еда. Тут такие изобретения возможны! Мы сейчас почти полностью пересели на овощи, потому что на мясо у меня денег нет. Мясо – очень дорогое. Единственное, что я могу себе позволить – это рыба. Потому что рыбу можно выменять на самогон. И поэтому рыба у меня есть. Бывает и так: тому, кто ловит, рыба приелась, и они – угощают. Я никогда не отказываюсь! Раньше я рыбу только жарила, а теперь я и котлеты, и пельмени, и тефтели, и мариную, и с томатом, и без томата, и уха, и всё что хочешь. (Смеется.)

Так что я живу бедновато, но дети у меня голодные не ходят. И когда у меня бывают гости, у меня все равно хоть что-то на стол поставить найдется. Я вот эти пельмени сделала из рыбы. Но рыбой они не пахнут, потому что я в фарш добавляю свиное сало и лук пережаренный. Я раньше думала (и мне говорили), что

котлеты и пельмени можно делать только из судака и щуки. А сейчас я делаю фарш из сазана и из карася. Я всё ободрала, перемолола на мясорубке и сделала фарш. Хребты пошли на уху, я их проварила. Вот считай, что и первое, и второе у меня приготовлены. Дети у меня не очень любят рыбу кусками. А вот котлеты, пельмени, тефтели они с удовольствием едят. Вот я сейчас с нетерпением жду капусту, потому что я люблю делать капустные котлеты. Я жду картошку, потому что можно делать драники.

Питание – это, мне кажется, самое-самое хорошее поле для экономии и избретательности. Вот, раньше я не пекла хлеб. Сейчас я его пеку. И я сейчас не только хлеб пеку. Потому что со временем я поняла, что дрожжевое тесто – самое выгодное! Яиц в него класть не надо. А что надо? Кисляк, немножко сахарку, постное масло. И всё! А теста получается очень много. Можно печь и булочки, и пирожки, и пироги, и всё что хочешь. И рулеты – на выбор: хочешь сладкие, хочешь – с зеленью. Так что я хлеб пеку сама, потому что хлеб сейчас дорого покупать. Меня мама научила, и я пеку...

Ещё про еду расскажу. У меня дети варят сами из сахара конфеты, чтоб не покупать. Я делаю сама сладкую халву... Я прокручиваю через мясорубку семечки в скорлупе, два раза. Сначала я семечки мою, перебираю, жарю. А потом – через мясорубку. Халва получается темная, но вполне съедобная.

Я в этом году купила приспособления пластмассовые, вроде фильтров. Они в мясорубку вставляются. И с их помощью можно делать лапшу, вермишель и рожки. Яйца у меня есть, мука есть. И я вытягиваю сама макаронные изделия. Потом – всякие закатки делаем. Салаты... Смотрю, старые салаты, обычные, не едят, уже приелись. Я начинаю у людей спрашивать. У нас на работе насчет этого хорошо, насчет рецептов. И мне подсказывают, как новые закатки овощные сделать.

Я сама печенья не пеку, потому что маргарин дорогой. Варю халву, конфеты сами из сахара делаем. Макароны сами вытягиваем... Покупать не надо, значит. И все это делается хоть и от нужды, но здесь еще много всякого интересного. Раньше я думала как? Если что-то надо – да, пойду куплю. А сейчас же не пойдешь и не купишь, потому что денег нет. Поэтому я стараюсь что-то выдумать. Я, например, приспособилась отваривать галушки, а потом их обмакивать в такую приправу из жира, лука, травы. И получается второе. Я открываю салат и, пожалуйста, – наедаемся. А раньше я этого никогда не делала.

Я завариваю дерть и кормлю ею собак. У нас одна женщина так говорит: "Мы сами хлеб не едим, но хлеб покупаем..." Я спрашиваю: "А зачем?" – "Да чтобы собак кормить..." А я их кормлю заваренной дертью. Ну и всякими остатками... Я приспособилась мыть тарелки после борща так: сначала мою одну, потом из неё переливаю жирную воду во вторую, потом эту же воду в третью. И знаешь, какой бульон получается для собак?! Сам бы ел! (Хохочет.) Раньше хоть сухарики мы собакам бросали в миску, а сейчас мы завели кроликов. Теперь сухарики идут только на кроликов, особенно если матка есть, – её подкармливать обязательно надо".

Тряпки. "Вот вы говорите – экономика, экономика... А у меня так – у меня ни одна тряпка зря никуда не уходит. Никуда! Если это платье старое, я из него фартук сделаю. Или – матерчатую сумочку. Или – занавесочку. Или – мешочек для семян. Но это уже будет последнее, что можно сделать. Или – колпачок на заварной чайничек. Или – матерчатую подставку под этот же чайничек: подложишь ватинчику, красиво так обстрочишь и так мило получается на столе! Прихваточки я делаю тоже, на шнурочках, – сковородку, кастрюльку взять. Так что ни лоскутка не пропадает. Или возьмешь старый шарф, обложишь его юбочной тканью – и получаются красивые утепленные рукавички, ходить за дровами или в сарай. Или

– что-то вроде следочков теплых можно сделать из шарфа для зимы – как такие теплые тапочки, мягкие. В общем, – всё идет в дело! Безотходное производство... А уж последняя стадия – это тряпичные половички, круглые. Это уже дальше некуда – дальше смерть вещества! (Смеется.)

Если делать вещам своевременный ремонт – это тоже значительная экономия. Вот, постирал белье, – видишь, что пуговичка оторвалась или дырочка образовалась. Пока она маленькая, ее нужно зашить. А если две-три стирки пропустишь, там будет большая дырка. Это надо заплатку ставить, или уже ничего и не сделаешь. Поэтому надо смотреть после каждой стирки – это будет экономия. Нужен глаз!

Возьмите простыню – середина в простынях всегда пронашивается быстрее. Раньше были льняные простыни, полосатые... Ее можно пополам разрезать, края составить и прострочить. Она еще сколько времени прослужит. Потом, когда она и здесь проносилась – можно разрезать крепкие места и понаделать полотенец. А из мягких выношенных полосок можно сделать кухонные прихваточки. И всё это идет в работу! В дело!.."

Утварь. "Даже, вот, взять прохудившуюся кастрюлю. Я в ней ничего уже приготовить не могу, и припать нельзя. Приходится её выкидывать. А мне её жалко. И я её не выбрасываю, я в ней собакам корм даю. Там же дырочка маленькая, и собака вполне успевает поесть, покуда похлебка собачья на землю уйдет. Но собака-то и землю вылизать может, ей это даже полезно. Или могу я в той кастрюле курам корм замешать, или еще что-нибудь. То есть она в хозяйстве еще пригодится.

Конечно, есть такие вещи, которые давно на хлам надо выкинуть. Но они у меня стоят. И не просто стоят, а служат. Например, у меня есть деревянная бочка. Но у неё нет дна. И есть таз, в котором раньше детей купали. В нём тоже нет дна. Но я их не выбрасываю. В ту бочку я скидываю всё стекло – битые тарелки, чашки, бутылки, осколки, которые во дворе валяются, – камешки острые, железки, пружинки, ржавые гвозди и всё такое прочее. Я эту бочку поставила за углом, чтоб её не было видно, и валу туда всё, что режется, колетса, под ногами мешается. А потом, когда весной прибираюсь, я поднимаю эту бочку, все железяки и стекляшки кучкой на земле лежат, я их лопатой на тачку грузю и потом везу на свалку. Всё!

Мне иной раз даже приятно в эту бочку заглядывать. Во-первых, я вижу, что хлам прибран до места. Прибран аккуратно. А потом – я посредством этой бочки вижу, что из посуды надо обновить. Допустим, чашка там лежит битая – о-о, надо ведь чашку купить, а то не хватает. Так что эта моя бочка – как жизненная история моей семьи.

А эту выварку, этот таз без дна я тоже не выбрасываю. Он мне служит. Я, например, огурцы с огорода принесла к дому. Если их просто кинуть у крыльца, для сортировки, они могут по земле разбежаться. А если я их высыпала в этот таз, то пускай даже в нём нет дна, но огурцы-то лежат в кучке, – выбирай хорошие, носи домой. А которые остались, те спокойно курам можно бросить.

Или – картошка. Я этот тазик без дна в дом поставлю, у меня сухо. Я высыпаю туда мелкую картошку и потихоньку ее перегребаю. Некоторую, которая лучше, варю на питание, мелкую и битую отбираю на корм курам. Она у меня в кучку лежит, и это очень удобно".

"Я могу и шапку перетянуть, и диван перетянуть. Я могу и мягкую мебель починить, и кресло, и стул. Вот эти стулья были выброшены чуть ли не на помойку. Я их взяла, отшкурила, морилочкой прошла и покрыла лаком. Все шурупы сменила... И эти стулья будут ещё мне служить. Я один раз видела, как соседка четыре стула вывезла и сожгла! Зачем?! Отдала бы людям бедным – они напротив

её живут. А не хочешь отдавать – не отдавай, а просто вынеси под ворота, и люди возьмут. Будут думать, что им это Бог послал!

Вы загляните в моё мусорное ведро или на помойку. Они сейчас пустые! Я сейчас туда выбрасываю железные крышечки от консервов. И только! Я ведра не выбрасываю, даже если дно сгнило. Я из ведра такую луночку делаю, и дерево в неё сажаю – типа такой оградки. А если тазик прогнил, то я вырезаю кружочек из фанерочки, вставляю, и получается емкость для сухого корма для птицы.

Выбрасывается только то, из чего уже ничего нельзя сделать. Тряпок в мусорном ведре нет. Бумага сжигается в печке. Из обуви не подлежит восстановлению резиновая подошва, если она напрочь сшоркалась. Значит, в ведре только крышки, битое стекло, горелые спички. Отходы от картошки, зелень – всё это курам идет. И скорлупа яичная тоже курам... И если я сегодня банку консервную не открывала, то у меня и мусора-то не будет никакого.

А в городе? В городе больше выбрасывают. Я видела – целые батоны валяются. Ну, если ты чувствуешь, что не съешь весь хлеб, который купила, – сунь ты его в духовку, сделай сухари! Их же можно черствый хлеб на квас использовать, или на панировочные сухари. Пакеты полиэтиленовые я с мылом мою, – только из-под селёдки выбрасываю. Из простыней старых делаю маленькие мешочки для семян, для круп... Я люблю порядок".

Обувь. "Обувь мы не выкидываем, а донашиваем на дворе. А которая совсем выносилась, я ее палю. В обуви прежде всего выходит из строя застежка-молния и шнурки. Но часто бывает, что молния цела, и я её выпарываю. Пригодится. И шнурки обязательно из обуви выдергиваю. Особенно капроновые, белые. Они не рвутся. Их можно второй раз использовать. Если колготки у девчат сильно порвутся, что их не заштопаешь, – я их тоже не бросаю. Рваные колготки я приспособила для того, чтобы цедить мел. Или на веник их натягиваю, – он тогда гораздо дольше служит. Или же я в таких колготках лук храню, вешаю в кладовке".

Сети знакомств. "У меня была соседка по Кооперативной улице, где мы раньше жили. Ее зовут Евдокия Васильевна. Она мне как мать. Я, когда сюда приехала, я была как ребенок. Ведь я домашнюю живность никогда не водила. Я и кричу ей постоянно, через забор: "Васильевна, у меня цыплёнок голову как-то странно клонит!" – "Сейчас!" Она бросает всё и приходит разбираться с цыпленком. И видно, что человек от души хочет помочь. Дать консультацию... Она мне кур резала постоянно. Если у поросенка красные пятна по шкуре пойдут, она чем-то его вылечит. Она меня до сих пор на рынке окликает, подойдёт, приобнимет. Спросит, как дела?..

В общем, я довольна отношениями с ней. Если я уезжаю свеклу полоть, она курам-уткам водички нальет, за домом присмотрит. А я ей стельки в калоши делаю – толстые, теплые. Или халат скрою. Она спрашивает: "Сколько, Маша, заплатить надо?" – "Да нисколько!.." Так вот, я ей крою, а шьёт она сама. А если крой сделать четко, то потом шить – одно удовольствие. Платье сидит как перчатка. Смотрю – вчера я ей крой отдала, а сегодня она в сшитом платье идет на базар. Готово! И если я что-то для неё делаю, я никогда с неё ничего не беру. За то ее душевное тепло, которое я от нее постоянно ощущаю.

Сейчас у меня появилось много знакомых. Вот, Володя-токарь. Николай Петрович – печник. Витя – плотник. Гарик, который мне заказал чехлы для мебели. И другие... С Володей-токарем мы познакомились, когда ещё муж мой Валерий работал на кирпичном заводе. Надо было что-то точить для дела. Потом мы познакомились с женой Володи-токаря. И поддерживали отношения. Сейчас эти отношения продолжаются. Я для дочери Володи шила к 1-му сентября сарафан. Его жене я ремонтировала туфли. Надя, жена его, приносила сапоги, молнию

вшивать. А если мне надо что-то выточить, – сгон, например, Володя делает. У нас нет чёткого обмена, но мы всегда действуем по принципу – "услуга за услугу". Общение у нас чисто деловое, заказчик-клиент. Особых моральных или духовных связей у нас нет. Но я без него не представляю, как я проживу.

Николай Петрович – то же самое. Он мне приносит обувь в ремонт, спрашивает, сколько заплатить. А я отвечаю: "Николай Петрович, мне, вот, нужно печку поправить..." Он приходит и делает. Потом – я для внучки его шубку шила. А он мне пшеницу привозил. И я ему много услуг оказала, и получается так, что он уже мне должен. И он пообещал мне печку в бане сделать. Я уже за эту печку для него отработала. Я ему делала, и он теперь считает, что он мне должен. И он делает печку, когда я кирпич достану.

Теперь – Витя, плотник. С Витей у нас такие отношения – он рамы делал для веранды, обналичку, ставни. Расплачивалась я с ним так: не деньгами, а натурой. Вернее, трудом. Я ему обтягивала диван и кресла. Потом я ему шила меховые унты для рыбалки, шила меховой жилет, куртку покрывала новой тканью. У нас с ним так. Я его спрашиваю: "Витя, сколько стоят ставни?" – "Двести рублей..." И я уже придерживаюсь этой цены, то есть делаю ему адекватную по стоимости работу. Мы договариваемся и все вопросы решаем..."

Сети знакомств (экстраординарные). "Экстраординарные знакомства" – условное название обменов, о которых до последнего времени говорить в открытую было не принято, хотя они всегда занимали прочное место в обществе. Под этим видом ресурсов подразумевается всё более распространяющееся использование мужчин в качестве источника благ. Известно, что одинокие женщины постоянно пользуются мужской поддержкой, равно как и мужчины опираются на женскую заботу. Это – обычное дело, однако конкретную информацию такого рода добыть очень трудно. Мне удалось записать развернутый рассказ о подобной практике, который я привожу в отрывках.

"Жизнь меня научила мужчинами пользоваться. Настолько жизнь меня хлестала, что я буквально кровью исходила. А потом решила, что нельзя жизни и дальше грудь или спину подставлять. Нужно научиться вставать к жизни немножечко боком. То одним, то другим. Чтоб не так больно было! (Смеется.) Каждая женщина, которой нужно поднять детей, не будет зарекаться от того, что она будет использовать мужчин. Потому что ей надо выполнять обязательства перед детьми – накормить, одеть, обути, выучить. А на собственную зарплату она это никогда не сможет сделать. Каждая по-разному выкручивается, но принцип здесь один и тот же. Все используют мужчин – в большей степени или в меньшей. Одного, двоих, пятерых, десятерых – это кому как повезет.

Так что я стараюсь сейчас заменить своих друзей мужчинами. Я раньше дурой была в этом смысле! Вот, приходит мужик, и начинает разговор... А я ведь знаю, зачем он пришел! И я говорю: "Нет!" – и всё. "Нет, иди отсюда, гуляй..." А как прижала жизнь... Сейчас у меня есть постоянный друг, он мне помогает. Но я одновременно пользуюсь и другими мужчинами, залётными. Потому что я не могу на него одного, на своего постоянного мужчину, взвалить весь объем услуг и продуктов. Потому что ему, я понимаю, тоже тяжело, у него своя семья есть. Он ведь от семьи отрывает! И он – коренник в той мужской упряжке, которая меня по жизни везёт. Но он мне деньгами никак не помогает. Я не думаю, что он жадный, но денег он мне почти никогда не дает. А если и дает, то я должна отчитаться за каждый рубль, доложить ему, куда я его потратила. А мне это не нравится! У него натура такая. Он, в принципе, хороший. Он может мне купить всё. То есть вещи он мне не покупает, но продукты он может купить любые. Он, например, на день рождения может обеспечить меня рыбой, мясом, молоком, сметаной. То есть, что мне надо, он может мне всё достать. И не только на день рождения.

Иногда мне становится противно. Но я не показываю вида. Потому что я знаю, что если я взбунтуюсь, а он обидится и уйдет, то мне так тяжело придется в жизни, что не дай Бог! А я к этой его опеке уже привыкла. Например, я привыкла, что у меня постоянно рыба на столе. Я знаю, что месяц-два в году приходится нам жить без рыбы, просто потому, что она не ловится. Но вот когда она ловится!.. В этот месяц он мне уже больше десяти килограммов рыбы привез. Я б столько рыбы в жизни бы не купила! Сейчас я б за капустой на огород не поехала, – надо людей просить, которые с транспортом. А он взял и мне капусту на всю зиму привёз! Он узнал, что ко мне сын на днях приедет, и привез два здоровенных арбуза. Я напоминаю ему и управляю его поведением. Но я не наглая. Я просто умею выжидать. Я выжидаю, что он мне может предложить. И из того, что он мне предлагает, я выбираю то, что мне в данный момент больше другого нужно. Например, он говорит: "Я могу тебе привезти то-то и то-то, купить это и это..." Я отвечаю: "Ничего этого не нужно, но купите мне масла сливочного, потому что у меня масло кончается..." Или какого-то другого продукта. Или же я ему говорю, чтобы он купил мне какие-нибудь консервы или сгущенное молоко, или горошек зеленый. Про запас...

И потом, я стала много и систематически пользоваться такими мужчинами, которые надеются на что-то. Ну, которые надеются меня, так сказать, приобнять. Вот, прошу одного из них: "Не отвезете ли меня в райцентр?.." – "Ой, да пожалуйста!" И я еду. А расплачиваться – нет. Отшучиваюсь – "Вы же мне друг! Или – нет?!" – "Конечно, друг!.." И на этом дело кончается. Видишь ли, мужчины разные у меня, характеры у них разные, возраста разные. И надо себя держать хитро. Надо помнить, как ты с ними в первый раз контактировала и вести соответствующую линию поведения. Надо помнить о том, что было между нами раньше. А чуть сдвиг – это будет нехорошо. С разными мужчинами надо поддерживать разный стиль общения. А это очень трудно.

И потом – у меня их много, мужчин. А я у каждого – одна. И он помнит до мелочей, детально, что было в прошлый раз. А я могу забыть. И мне надо специально вспоминать. В среднем я постоянно использую человек пять-шесть. Но они периодически меняются. Я могу распределить внимание только на пять-шесть человек, – чтобы помнить свое поведение, чтобы не спугнуть и не ошибиться...

Я выживаю в основном за счет того, что я женщина. Если раньше мне помощь оказывали семьи, женщины, хозяйки, то сейчас ситуация очень изменилась. Все семьи сегодня постепенно ушли в себя. Поэтому я основную ставку делаю сейчас на мужчин. Это как на беговой дорожке, – встала в группу мужиков и вперед!" (Смеется.)

Обмены и дарения. "И хоть мы в гости стали друг к другу меньше ходить, мы помогаем друг другу. Даём, у кого чего есть. А иначе мы вообще не проживем. Без этого нельзя, особенно сейчас, Валера. Как нам жить без этого? Раньше как было? Где спёрли, где украли, а теперь только что просишь тех, кто доступ имеет. "Кум, а, кум, – привези, удели!.. А я тебе шось тоже дам..." И так вот клянчишь! Кума где-то работает в хорошем месте: "Давай, кума, обменяемся, чтоб и тебе было хорошо, и мне!.." Ходим и просим, клянчим. И выручаем друг друга..."

"Своё хозяйство сейчас держать выгодно, только если есть возможность корма достать. Вот, соседи наши, они на ферме работают и могут корма приворывавать. Они и держат своё хозяйство. Мы же не можем развернуться. И мы делаем так: мы молодняк покупаем, 20 гусят, 20 уток и везём их к маме, в соседнюю станицу. И мама нам их выращивает. Там у них есть возможность. Отец у меня заслуженный колхозник, он всю жизнь проработал комбайнером, у них большие

льготы, и там у них с кормами проблем нет. Он получает и корма, и сахар... И мы все эти десять лет так делаем.

Дело в том, что у них очень большой огород – 40 соток. Им тяжело его обрабатывать, они пенсионеры. Поэтому я езжу туда картошку сажать. Потом я её поливаю, окучиваю. Вот у меня мытарства какие! Землю-то жалко отцу, чтобы она простаивала, гуляла. Он за всю свою жизнь прирос к земле. И вот я туда езжу – сажать, убирать. Закатываю там овощи, маме помогаю. Здесь-то я все делаю сама, одна. И еще родителям помогаю".

Мир крестьянских обменов и дарений требует комментария. В один из очередных заходов в «социологическое поле», когда я приехал в село для контроля записей в бюджетных таблицах, я заметил, что мне огромных трудов стоит заставить респондентов фиксировать факты обменов и дарений. Из месяца в месяц объем взаимных обменов, дарений, трудовых услуг занимает чуть ли не четверть общего бюджетного оборота семейного хозяйства, однако эти достаточно мощные потоки ресурсов систематически не фиксируются. Поэтому приходится буквально "выколачивать" из респондентов такого рода сведения и, сидя вместе с ними над бюджетной таблицей, регистрировать не только натуральную форму, но и денежный эквивалент взаимных обменов.

Проблема в данном случае не столько в скрытности информантов – ее можно довольно быстро преодолеть. Проблема в том, что все эти обмены и дарения расцениваются крестьянами как нечто несущественное, второстепенное, неважное. Вернее, так: эти обмены и взаимопомощь не осознаются как значимый факт. Данный вид неформальной экономической практики включен в крестьянскую повседневность как общая жизненная атмосфера, как воздух. Он незаметен, хотя жить без него нельзя ни минуты.

Таким образом, обмены – это устойчивая, вещественная форма экономической жизни микросообщества, имеющая определенную размерность. Но в сознании людей она непосредственно не явлена. Она систематически исчезает, существует как некий фантом, который приходится извлекать, специально вытягивать из жизненного раствора. Факты обменов и дарений для крестьян есть некая объективная атмосфера бытия, народное снадобье социального здоровья, психологического уюта и безопасности партнеров по обменной сети. Таким образом, обмены и дарения становятся похожими на обычные приветствия и прощания людей, давно знакомых и живущих в атмосфере традиционного товарищества. Обмены и дарения представляют собой нечто вроде системы социально-гигиенических и культурно-психологических процедур, завещанных предками и диктуемых неписаными правилами совместного выживания.

Сам социолог-полевик довольно часто попадает в обменные сети. Расплачиваясь за труд крестьян, ведущих бюджетные таблицы и, таким образом, осуществляя вполне формальную и заранее обусловленную покупку информации, вручая подарки, выполняя разного рода просьбы, социолог против его воли оказывается включенным в обменную сеть. Его часто одаривают продуктами крестьянского труда (мед, варенье, домашняя выпечка), крестьянского промысла (сушеная рыба, соленые грибы,

ягоды), крестьянских умений (шерстяные носки, вязаные рукавицы и пр.). Отказаться – значит обидеть дарящего. Однако вполне обоснованная и рациональная попытка социолога включить эти дары и услуги в бюджетную таблицу, зафиксировать их стоимость порождает чуть ли не взрыв крестьянского негодования. "Да разве же можно это считать?! Да это мы из уважения даем!.."

Таким образом, объективно включая социолога в сеть дарений и обменов, респондент в то же время выводит этот эпизод за рамки собственной повседневности. Для крестьянина такого рода дар, вручаемый чужаку, – эксклюзивен и, если так можно сказать, церемониален. Он не может (и не должен) быть систематическим, повседневным. Чувствуется, что респондент, сам того не осознавая, дает понять, что приезжий социолог, хотя и свой, близкий, но все же принципиально чужой. "Свой" потому, что эти обмены и дарения имеют перспективу, хотя и небольшую (бюджетные исследования с помесечной платой продолжаются в течение года). А "чужой" потому, что в постоянную обменную сеть постороннего человека вводить нельзя, неудобно и опасно, поскольку он становится свидетелем корпоративных секретов. Одной рукой обнимая и дружески похлопывая социолога, сельское сообщество другой рукой ласково и смущенно, но вполне определенно, на всякий случай, легонько подталкивает его к выходу из своего привычного мира.

Социология

Комментируя формы эксплоярного поведения, целесообразно опереться на истолкование термина "экономический", которое было предложено К. Полани. Оно вытекает из отношения между целями и средствами их достижения и означает – "делать всё возможное". Задача достижения наибольшего удовлетворения путем рационального использования ограниченных ресурсов вовсе не исчерпывается лишь экономической деятельностью человека. Решение этой задачи базируется на всем социально-культурном опыте субъекта и зависит от него. Универсальное правило действия в условиях ограниченности средств формулируется К. Полани хотя и несколько экстравагантно, но вполне точно и остроумно: "Не будь дураком!" [3].

Однако дурак дураку – рознь. Разница между двумя возможными типами дураков была хорошо схвачена в диалоге между комиссаром Шариковым и красноармейцем Пуховым в "Сокровенном человеке" А. Платонова.

"Шариков говорил Пухову: "Пухов, хочешь коммунистом сделаться?" – "А что такое коммунист?" – "Коммунист – это умный, научный человек, а буржуй – исторический дурак!" – "Тогда не хочу". – "Почему не хочешь?" – "Я – природный дурак! – объявил Пухов, потому что он знал особые ненарочные способы очаровывать и привлекать к себе людей..." [4, с. 186].

Агенты неформальной крестьянской экономики, умеющие действовать в условиях предельной ограниченности ресурсов и, тем не менее, достигать определенных целей, – это, несомненно, природные умишцы, хотя и могут лукаво отрекомендоваться природными дураками. Но они,

одновременно, "исторические дураки", хотя и по совершенно иным причинам, чем "буржуи". В качестве природных умниц субъекты неформальной крестьянской экономики развили в себе виртуозные способности к выживанию, к противостоянию обстоятельствам и вызовам судьбы. Эти способности бесценны именно в экстремальных условиях, когда семейная экономика вынуждена развернуться на самоё себя, замкнуться в родственных социально-экономических структурах, стремительно нарастить горизонтальные, стихийно-кооперативные связи с родственниками и односельчанами. Эти способности буквально из ничего сотворили сегодня некую самодельную гарантийно-страховую систему, цель которой – физическое и социальное выживание [5].

Эти способности, эти неприхотливые социально-технологические изобретения, эти выдумки и "затеи" можно было бы назвать, по аналогии с формулой Дж. Скотта, "орудиями слабых". То есть – орудиями людей, которые искусно и привычно балансируют на грани выживания, довольствуются малым и не ставят неременной целью существенно изменить пространство своего повседневного существования. Отсюда бесконечный ремонт и латание вместо решительной замены и радикальной модернизации, максимальный универсализм вместо специализации функций (укажем на русскую печь как на пример такого универсального – кормящего, греющего, моющего, вылечивающего – агрегата, который в народных сказках выполняет ещё и роль транспортного средства), отсюда не имеющая границ утилизация наличного "жизненного вещества" вместо экспериментального, порой рискованного, но неизбежного освоения новых предметных областей. Список функций и работ, выполняемых такого рода орудиями, можно продолжить, и все они так или иначе относятся к ресурсно-технологическому оснащению крестьянской семейной экономики, базирующейся на специфической социальной логике.

"Орудия слабых" всегда наготове. Они буквально окружают социального субъекта, они повсеместны, и по причине своей простоты доступны всем – детям, женщинам, старикам. Без их надежной и постоянной работы был бы недостижим эффект максимально "обтопанного" социального пространства, эффект элементарной исправности и налаженности мира.

Однако "орудия слабых" – слабые орудия. Романтизировать их возможности не следует. И "историческая глупость" вооруженных ими социальных субъектов заключается в том, что, хотя бы они этого или нет, они обрекают себя на жизнь в циклическом социальном времени. Именно с помощью подобной орудийно-технологической базы конструируются довольно прочные структуры как витальной, так и социальной "терпеливости", где консервируются существенные элементы той общественной бесчувственности, которая в определенной мере свойственна населению современной России.

"Орудия слабых" объективно поддерживают и воспроизводят архаичные социальные отношения, часто нивелируя жизненные стили членов сообщества, приглушая намерения и стремления вырваться из круга общепринятых социальных норм. В данном смысле "орудия слабых" – это

мощный инструмент социальной инерции, машинерия привычки, поле чудес, которые давно выдуманы и опробованы человечеством.

Заключение

Родовым признаком неформальной экономики является процесс "сканирования" социального и природного мира, в который вмонтирован субъект, с целью налаживания "вторичного контура" производства. В рамках последнего и происходит разнообразная утилизация "отходов", "вторичного сырья", всяческих "остатков", "запасов" и "резервов". Неформальная экономика – это система усилий, целью которых является поддержание "полноты органического существования" микросообщества. Это разветвленная система противостояния обстоятельствам, которая может поколебать или нарушить стиль повседневного существования субъекта. Неформальная экономика – это орудие производства некоего общего "задела на будущее", представляющего собой накатанную колею, где не предполагаются неизвестные повороты и невиданные пейзажи. Этот "задел" определяет фундаментальные основы жизнедеятельности социального организма – проекты судеб детей и стариков (первых – поднять, вторых – упокоить), ритм существования (рваться вперед или спокойно обывательствовать), представление о социальной безопасности (рисковать или довольствоваться малым).

Неформальная экономика заведует "вторичными ресурсами" социального бытия. Это – подкладка, изнанка, подоснова жизни. Это – "первичная грунтовка" главных, формальных, экономических процессов. Это – пространство изобретательности, поскольку именно в сфере неформальной экономики субъект тотально и непрерывно отслеживает возможности. Это – экономика обузданности, экономика смиренных надежд и скромных перспектив. Это – экономика ближайших, интимных, лично окрашенных контактов – как с природой, так и с локальным социальным окружением. Это – тестирование пространства возможностей и его повседневная эксплуатация. Это – экономика промежутков, ниш, зазоров, как социальных, так и экологических. Это – экономика непланируемости, ситуативности, непредзаданности.

При всём этом агент подобного рода экономики хорошо знает, что в жизни ему обязательно надо "не быть дураком". И поэтому он постоянно нацелен на рациональное использование ограниченных ресурсов. Но он об этом обычно помалкивает. Вслух же он выражается осторожно и неопределенно, оперируя поливалентным житейским термином "авось". "Авось проживём.., авось повезёт.., авось да сладится...". Видимо, это "авось", в котором скрыта возможность как победы, так и досадного промаха, и есть тот внутренний культурно-идеологический стержень, на котором держится социальная логика крестьянской неформальной экономики. Не исключено, что это "авось" и есть интегральная микросхема того вечного механизма, который постоянно приводит в движение архаичные, незамысловатые, бывшие в употреблении, но прочные и неразрушимые "орудия слабых".

ЛИТЕРАТУРА

1. Радаев В. Неформальная экономика и внеконтрактные отношения в российском бизнесе // Неформальная экономика: Россия и мир. М.: Логос, 1999.
2. Шанин Т. Эксплоярные экономики и политэкономия обочин: Формы хозяйства вне систем // Неформальная экономика. Россия и мир. М.: Логос, 1999.
3. Полани К. Два значения термина "экономический" // Неформальная экономика: Россия и мир. М.: Логос, 1999.
4. Платонов А. В прекрасном и яростном мире // Платонов А. Повести и рассказы. М.: Худ. литература, 1965.
5. Виноградский В.Г. Вне системы: Крестьянское семейное хозяйство // Социологический журнал. 1998. № 3/4.